

18+

Андрей Абинский

КЛЮЧИ ОТ НЕБА

Кто в армии служил,
тот в цирке не смеётся

Андрей Абинский
**Ключи от неба. Кто в армии
служил, тот в цирке не смеётся**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71535418

ISBN 9785006523296

Аннотация

Солдат небом укроется и стоя выпится, штыком побреется, росой умоется, ветром причешется, походя кашу сварит, в бою прогреется, на одной ноге отдохнет – и снова вперед! О прелестях армейской жизни вы и узнаете на страницах этой книги.

Содержание

Ключи от неба	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Ключи от неба
Кто в армии служил,
тот в цирке не смеётся**

Андрей Абинский

© Андрей Абинский, 2025

ISBN 978-5-0065-2329-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключи от неба

*Дембель неизбежен, как
крах империализма.
Армейская поговорка 70-х.*

*Плох тот солдат, который
не мечтает стать генералом.
Полководец А. Суворов.*

*Воробей чирикает, ласточка чиликает,
а Бабахов – бабахает!
Доктор А. Туесков.*

*– Ты парень образованный, – сказал комиссар, –
мог бы на сержанта выучиться. В ракетные части
попасть...*

*– Мне как раз нечего терять.
Комиссар взглянул на меня с подозрением.
... Через месяц я оказался в школе надзорсостава
под Ропчей.
Сергей Довлатов. «Зона».*

Лукавит Сергей Донатович. В военкомате не спрашивают о любви к ракетам или страсти к субмаринам. Судьба призывника определяется свыше, таинственным набором случайных чисел. Это покруче Спортлото или «однорукого бандита». Даже гадать не стоит. Как говорил наш старпом: «Пу-

ти военных неисповедимы».

В отделе кадров мне вручили повестку. На торжественных проводах в ДКМ – похвальную грамоту и меховые перчатки. Друзья меня жалели, девушки – еще больше.

На призывной медкомиссии Костя Буянов спросил:

– Почему это, при проверке слуха ушей или зоркости глаз, нужно снимать штаны?

– Чтобы лучше видеть тебя, дитя моё, – ответила девушка в белом.

Узкий коридор военкомата заставили прикроватными тумбочками. Возле них расположились врачи. Вокруг толкались голые новобранцы.

В воздухе повис запах карболки и немытых тел. Я сидел голой задницей на липком табурете. Широкими ладонями матроса прикрывал свой стыд.

Женщины в белых халатах звенели медицинским никелем.

Звучали резкие команды:

– Открой рот! Скажи – А!

Напротив Костя Буянов изображал букву Г. Руками он раздвигал

собственные ягодицы.

– Не стой так долго, привыкнешь, – сказал я Косте, вста-

вая с табурета.

- Теперь твоя очередь, – злорадно ответил он.
- Абинский? – спросила девушка, заглянув в мою карточку. – Нагнись! Кто тебе спину поцарапал?
- Кошечка...
- Скажи своей кошечке, чтобы когти подстригла.

Голяком я сидел на заключительной комиссии. Трое взрослых мужчин решали мою судьбу. На меня они не об-

рацали внимания. Слышался деловой разговор: «...подводный флот... надводные корабли... двести двадцатая команда... перебор...»

Что такое двести двадцатая команда я не знал. Слово «перебор» было знакомо по игре в «очко». Оно имело нехороший смысл. Я загрустил – флот, это на три года.

Наконец, старший вручил мне листок с памяткой молодому бойцу:

– Прибыть в военкомат двадцатого ноября в десять нуль-нуль. Кружка, ложка, полотенце... Понял?

– Понял. Куда меня?

– Не бойся, не в космонавты...

«Не все так плохо, – подумал я, – впереди целая неделя свободной жизни».

Я вернулся в гостиницу «Чайка». Подсчитал убытки. Модельные заграничные туфли у меня спёрли в колхозе. Модная нейлоновая куртка исчезла из номера гостиницы. Меховые рукавицы пропали на медкомиссии. Кому-то эти вещи нужнее. Через неделю я буду на полном государственном обеспечении.

Потом был этап до Корсакова. Толпа призывников в дражных фуфайках напоминала сборище зеков. На пересылке, устроили шмон, изъяли запасы спиртного. Зато выдали

по банке свиной тушенки и краюху хлеба.

Костя Буянов заначил бутылку и мы распили ее втроем, пригласив сержанта-покупателя. Хлебнув из горлышка, я подарил ему свои часы. Сержант проникся и разболтал военную тайну: мы будем ракетчиками ПВО.

Морозным вечером грузились на пассажирский теплоход «Мария Ульянова». С выходом в море угодили в шторм. Мы с Буяновым ушли наверх и устроили ночлег на скамейках прогулочной палубы. В переполненной каюте рекруты изнемогали от морской болезни и «травили» где придётся.

Утром разыскали сержанта. Бледный командир сильно укачался и пластом лежал поверх одеяла. Двигаться он не мог. Из-под кровати выудили сухой паёк – несколько банок тушёнки, масло, хлеб, сахар.

– Бери сколько хочешь, – сказал умирающий боец, – всё равно никто не жрёт.

– Закусь есть, а выпить нету, – огорчился Буянов.

– Это не проблема, – говорю, – деньги есть.

В баре нас встретили не приветливо:

– Вашим отпустить не велено, – сказал розовый толстый бармен.

Я положил сверху ещё три рубля. Толстяк украдкой сунул нам две бутылки портвейна.

– Деньги решают всё, – сказал Костя. – Хорошо, что мы не в коммунизме.

– При коммунизме бухать не будут.

– Ну, ты загнул, паря! Мы-то с тобой куда денемся?!

– Погибнем при исполнении. Взрыв ракеты на старте или ручной гранаты в руке. Бюст на родине героя и всё такое...

Ты откуда родом?

– С Бамбучков.

– Там, у сельсовета, тебя увековечат в мраморе. На груди медаль, взгляд в небо. Пройдут мимо пионеры с дудками – салют Мальчишу! Пройдут доярки с ведрами – привет Буянову!

– Черта с два! – сказал Костя со злостью. – Вернусь домой, перепробую всех девок, а пацанов научу водку под водой пить!

На прогулочной палубе было безлюдно. Мы устроили пикник на угловой скамейке, подстелив мятую газету. После первого глотка жизнь стала веселей. После второго захотелось поговорить. Моторист Буянов рассказывал мне о подлости мотылёвых подшипников и каких-то раскепах.

Потом Костя уснул на моем плече. Я пристроил его голову на вещмешок и спустился на корму.

Извилистый кильватерный след упирался в пустой горизонт. Низкие облака цеплялись за макушки мачт. Голодным

чайкам я скормил остатки хлеба.

Владивосток встретил нас колючим северным ветром. В порту новобранцев собрали в кучу и пытались построить в две шеренги. Не все могли стоять, некоторые сразу легли. Подъехали военные грузовики с брезентовым верхом. Через несколько часов тряской дороги прибыли в глухой поселок N. Там было два каменных дома, сельский клуб и магазин. Автомобили уступали дорогу козам. Самый веселый вид был у кладбища на окраине. Потом миновали триумфальную арку КПП и оказались в секретной зоне ракетных войск ПВО.

После бани выдали новое обмундирование.

Пожилой усатый прапорщик спрашивал только размер обуви. Остальные параметры рекрутов он безошибочно определял на глаз.

– Сапоги жмут? – говорил прапор. – Узких сапог не бывает, бывают неправильные ноги!

– Сапоги жмут? – говорил прапор. – Узких сапог не бывает, бывают неправильные ноги!

Ручной машинкой стригли друг друга под «ноль».

– Не думал, что у вас такие большие уши, рядовой Абинский, – сказал Костя, оголяя мой череп. – С такими лопухами надо связистом быть.

– Это, чтобы лучше слышать тебя, рядовой Буянов.

Так началась наша служба.

В карантине я продержался неделю. Подъем в шесть часов, утренняя зарядка, строевые занятия, зубрежка буквы Устава и текста Воинской присяги.

В животе постоянное ощущение голода. «Кишка кишке бьет по башке», – говорил Костя Буянов.

Однажды, после ужина, сержант построил наш взвод и спросил:

– Химики есть? Выйти из строя!

Ха! Знаем мы эти штучки. Вчера командир объявил:

– Бульдозеристы, экскаваторщики есть? Два шага вперед!

Вышли трое.

– Орлы! – сказал сержант. – Вам доверены ключи от неба! А пока будете углублять котлован посредством совковой лопаты.

– Орлы! – сказал сержант. – Вам доверены ключи от неба!

А пока будете углублять котлован посредством совковой лопаты.

На этот раз вышел один рослый боец.

– Рядовой Караульнов! – назвался он.

– Образование где? – спросил сержант.

– Химпром в Томске... чуть было не закончил.

Сержант обвел взглядом притихший строй. Спросил с ехидной усмешечкой:

– Что ли больше нет никого?

Взвод испуганно съезжился. Видимо, в армии напряжёнка с химиками и каждый из нас в этом был виноват.

– По-хорошему не получается, – угрожающе сказал командир. – У кого десять классов?

После короткой заминки вышли два балбеса.

– Рядовой Буторин!

– Рядовой Абинский!

– Доложитесь командиру взвода! Караульнов – старший.

Коля Караульнов был старше и выше нас ростом. Таким всегда достаётся место разводящего за столом и привилегия быть старшим.

– Напра-во! – рявкнул сержант.

Передо мной возникла спина Буторина.

– Бегом...

Мы согнули руки в локтях.

– Марш!

Наша троица рванула к штабу, напрямиком в лапы неизвестной судьбе.

В штабе Караульнов постучал в дверь кабинета.

– Можно?

– Можно Машку под забором! – услышали мы в ответ. –

Войдите!

– Товарищ лейтенант, Караульнов, Абинский, Буторин по вашему

приказанию явились! – торопясь доложил Караульнов.

Мы приложили ладони к шапкам.

– Является Христос народу! – презрительно сказал долговязый лейтенант, командир взвода. – Воин обязан прибывать! Понятно?!

– Так точно! – хором ответили мы.

– Не слышу!

– Так точно!!!

– Уже лучше, – удовлетворенно сказал взводный и уселся за стол. На его погонах были отметины от недостающих звездочек. Видимо, недавно он был старлеем.

– Командируетесь в Хабаровск, в учебную часть, – сказал командир, – документы, предписание, суточные, получите в канцелярии. Вопросы?

– Никак нет! – отчеканил Караульнов.

– Зачем нас туда? – спросил я.

– Если вернёшься живым, – лейтенант с сомнением посмотрел на меня, – будешь химиком-разведчиком.

В тот же вечер мы погрузились в жесткий вагон поезда Владивосток – Харьков. Утром прибыли в Волочаевский городок, к новому месту службы.

Волочаевская учебка считалась образцово-показательной. Старослужащие сравнивали её с дисбатом. Штатных сержантов за малейшую провинность разжаловали в рядовые. Нас, будущих химиков, гоняли похлеще, чем Сидоровых коз. Из пухлых домашних мальчиков учебка, варила, ковала, клепала решительных командиров, способных подчинять, подчиняться и, при надобности, убить врага негуманным химическим способом.

- Тяни носок! Подъём ноги до нижнего среза ушей!

В то время я хотел убить своего замкомвзвода, старшего сержанта Нечипоренко, а заодно, обоих его помощников – командиров отделений.

Через полгода злость прошла и сменилась неприязненным уважением. С Нечипоренко мы даже выпили по стопке и попрощались. Правда, без объятий.

Теплым майским днем три новоиспечённых сержанта вернулись в родную часть. В штабе представились командиру химической службы, майору Кирееву.

Он мне сразу понравился. Большой, солидный, немногословный татарин. Слуга царю, отец солдатам. С нами он разговаривал уважительно.

Караульнова за молодежавый вид и солидные габариты оставили в Бригаде. Олега Буторина записали в отдаленную часть. Она только строилась и солдаты жили в самодельных землянках. Меня назначили в отличный ракетный дивизион под командованием капитана Титоренко.

Наш дивизион базировался в чистом поле, у колхозных помидорных грядок. Деревня располагалась за грунтовой дорогой, стекая по двум сторонам оврага к мелкой речке. В селении гутарили на украинском и многие старожилы чтили в родне первых переселенцев. «Океан, он, конечно, великий, – говорил древний дедок, вспоминая своё плавание, – но что тихий, это уж хрен!»

Я был зачислен во взвод управления, которым командовал старший лейтенант Шварц. Взвод занимался сопровож-

дением воздушных целей и ракетной стрельбой. Также, было отделение связи и пулеметный расчет с крупнокалиберным ДЭШЭКа. Из него мы однажды бабахнули по сортиру и чуть не продырявили ефрейтора Бабахова, уснувшего на очке.

Капитану Титоренко нравилась моя строевая выправка и готовность к подвигу. Старлей Шварц, наоборот, относился ко мне, как к досадному недоразумению. В списке его дел моя химия занимала тридесятое место.

Ко всему прочему, Шварц был нервным и подозрительным. Этому была серьёзная причина.

– Старлей недавно переженился, – сказал дивизионный писарь Жамбулов. – При трагических обстоятельствах.

Красивую Фаину Шварц гарнизонная жизнь угнетала. В шкафу пёстрой ветошью скучали красивые платья. Их некуда было надеть. Офицерские жёны – стервы, а некоторые – просто сучки. Кроссворды надоели, читать нечего, по телевизору одна программа – «Сельский час», на весь вечер.

Нервный супруг приходил с дежурства, вливал в себя стакан водки и хлебал борщ. На его усах висела капуста. Они почти не разговаривали.

Потом старлей надевал гимнастические брюки и до утра резался в преферанс с «сундуками» из хозяйственного отделения. А поскольку в хозчасти служили одни жулики, Шварц

всегда проигрывал деньги.

От скуки Фаина устроилась на работу – поваром в гарнизонной столовой. Однажды, когда ее муж поправлял здоровье на водах Эссентуков, повариха сошлась с бравым ефрейтором Чавчавадзе. Красавец Резо был единственным грузином в дивизионе и на полutorке доставлял продукты на камбуз. За голенищем сапога у него был нож.

Когда посвежевший Шварц вернулся из отпуска, какая-то сволочь напела ему о проделках легкомысленной Фаины. Старлей навесил ей хороших оплеух и выгнал из дома.

Ефрейтора Чавчавадзе жестоко наказали – продлили службу еще на полгода. Вместе со своей машиной он был отправлен на целину, в Казахстан. Оттуда Резо вернулся злой, как чёрт и грозил отомстить Шварцу:

– Встрэчу его в Кабулэти – зарэжу!

Однако Шварцу не пришло в голову ехать в Кабулети и он остался жив.

Сбросив путы Гименея, старлей купил гантели и начал бегать трусцой. Он делал два круга по периметру гарнизона и пробил широкую тропу в высокой польни.

Через месяц Шварц выписал из города новую подружку и жизнь наладилась. Новую жену старлея мы не видели. Вероятно, он держал ее под замком.

Был у нас молодой лейтенант, двухгодичник. Симпатичный улыбчивый добряк по фамилии Машкин. В Новоси-

бирском НЭТИ он закончил радиотехнический факультет. «Светлая голова, золотые руки», – говорил про него начальник штаба. При любой неисправности немедленно вызывали Машкина и он с одним тестером в руках реанимировал сложную военную технику.

Однажды, в карауле, я отпраповал Машкину:

– Товарищ лейтенант, у нас всё хорошо!

Принимая доклад, Машкин держал у виска левую ладонь. В правой руке у него был фонарик.

Народная мудрость гласит: полгода ты работаешь на характеристику, потом характеристика работает на тебя.
Заступив на должность, я развил бурную деятельность.

Привел в порядок свое хозяйство, гонял молодых бойцов на тренажах и устраивал теоретические занятия. При этом, через каждые два-три дня, заступал «под ремень» – начальником караула по охране позиции и склада запасных ракет.

На учениях следил за воздушной обстановкой и докладывал на КП тип, курс, высоту и скорость пролетающих аэропланов. Для этого на наблюдательном посту был азимутальный круг с визиром, похожим на судовой пеленгатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.